

Оболенский Михаил Андреевич

**Рассказ москвича о Москве во время
пребывания в ней французов в первые три
недели сентября 1812 года**

УДК 82-3
ББК 84-4
М69

М69 **Михаил Андреевич О.**
Рассказ москвича о Москве во время пребывания в ней французов в первые три недели сентября 1812 года / Оболенский
Михаил Андреевич – М.: Книга по Требованию, 2025. – 36 с.

ISBN 978-5-521-25820-8

ISBN 978-5-521-25820-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

РАЗСКАЗЪ

МОСКВИЧА О МОСКВѢ

ВО ВРЕМЯ ПРЕБЫВАНІЯ ВЪ НЕЙ ФРАНЦУЗОВЪ

ВЪ ПЕРВЫЯ ТРИ НЕДѢЛИ СЕНТЯВРЯ 1812 ГОДА.

Дщерь несчастія! Богиня плача и рыданія, прійди и устрой гласъ мой, подкрѣпи меня слабого и пораженнаго печалію, да я, при помощи твоей, разительнѣе могу описать несчастія свои, со мною встрѣчающіяся во время пребыванія моего у непріятелей въ Москвѣ; да въ плачѣ и сѣтованіи изображу внутреннее возмущеніе души моей и воздыханія, со слезами вырывающіяся изъ сердца моего! До вступленія непріятеля еще въ градъ нашъ, я уже готовилъ пить себѣ чашу горести; разлука съ женою и малолѣтними дѣтьми моими была первымъ для меня несчастіемъ; хотя я и льстился тою надеждою, что буду имѣть скорое свиданіе съ ними, однако жъ обманулся: нечаянное и внезапное вступленіе непріятелей въ Москву послужили мнѣ препятствіемъ; оставленный, одинъ съ престарѣлою моею родительницею, для сохраненія дому своего, беспокоился и возмущался духомъ своимъ; дни сіи для меня были самыми скучными, жестокими и мучительными. Тогда-то я представлялъ въ мысляхъ своихъ перемѣны

настоящія сея жизни; размышлялъ о непостоянствѣ счастья; рассуждалъ, какъ фортуна и озаренныхъ счастьемъ низвергаетъ въ бездну злключенія во всякое время. Видѣлъ я приходившихъ ко мнѣ непріятелей, которые грабили и уносили все изъ имѣнія, въ домѣ моемъ находящееся. Ни одного не проходило дня, въ который бы жизнь моя не подвергалась опасностямъ; ужасы смерти никогда не были разлучны съ душею моею; самыя безопасности становилися для меня крайностію и навлекали на меня страхъ и возмущеніе; отъ взору непріятелей, мною вдаль видимыхъ и могущихъ со мною встрѣтиться, трепеталъ я и ужасался. Что уже сказать о томъ, когда я попадался въ руки самихъ непріятелей и когда отъ нихъ былъ отягощаемъ великимъ бременемъ трудовъ? Ахъ! сего изобразить не въ состояніи слабымъ перомъ моимъ! Ни умъ, ни языкъ мой великость сихъ несчастій изъяснить не можетъ! Единое сердце, ты единое сердце, могло чувствовать въ то время висящія надъ главою моею опасности, могло чувствовать, да и теперь еще чувствуешь, и теперь не изгладилось изъ внутренности твоей тягчайшее бремя злополучія, коимъ ты было поражено! Рабство, коимъ меня обременяли торжествующіе враги, едва не подвергло меня вѣчной гибели. Если чѣмъ сохранялъ я свою жизнь, которая всего дороже для малолѣтнихъ моихъ дѣтей, то имянно однимъ повиновеніемъ, покорностію и послушаніемъ, оказываемымъ мною подъ предлогомъ всегда непріятелямъ. Непріятели возносили гордую свою выю надо мною слабымъ, а я кротостію своею умягчалъ ихъ надмѣнность. Они мнѣ оказывали суровость, дышали злобою и жестокосердіемъ, а я покорностію своею, отъ страха происходящею, привлекалъ къ себѣ иныхъ сожалѣніе и любовь. Видѣлъ я обнаженные мечи непріятелей, надъ главою моею потрясающіеся; смотрѣлъ я на оружія, ко груди моей приставляемыя, и лѣющимися изъ очей моихъ слезами, вздохами,

изъ сердца вырывающимися, совлеченіемъ съ себя послѣдняго моего одѣянія, спасалъ я самого себя. Чувствовалъ въ самомъ себѣ иногда великое рвеніе, ярость и гнѣвъ, отъ причиняемыхъ мнѣ непріятелями жестокихъ ударовъ, но и при такомъ возмущеніи удерживалъ духъ мой въ предѣлахъ умѣренности, не давалъ ему быть обнаруженнымъ къ непріятелямъ въ сильныхъ страстяхъ сихъ, повинуюсь, яко плѣнникъ, воли непріятельской. Полагался только я на одного Всевышняго Творца; препровождалъ въ глубокихъ воздыханіяхъ долгія ночи, сномъ мирнымъ не посѣщаемыя; препоруча себя власти и промыслу Провидѣнія Божія, облеченный въ раздранное рубище, дрожалъ я отъ холода, бури и ненастья, но десницею Божіею былъ избавленъ жестокихъ болѣзней, могущихъ произойти отъ простуды. Сердце мое хотя погружалось въ кровавыхъ слезахъ и сѣтованіи, но, подкрѣпляемое рукою Божіею, непричастно было унынія и отчаянія, сихъ страстей, могущихъ погубить совѣмъ человѣка. Вздыхалъ и проливалъ слезы, видя развалины огромныхъ зданій; ходилъ въ глубокой задумчивости по пространнымъ мѣстамъ, покрытымъ прахомъ и пепломъ, ходилъ, и ничего болѣе не слышалъ, кромѣ стоновъ и воплей несчастныхъ нашихъ соотечественниковъ, кромѣ пылающаго пламени и тлѣющагося надъ развалинами домовъ пепла. Освобождаясь отъ ига и рабства непріятелей, по причинѣ слезъ и плача своего, неоднократно приходилъ я къ развалинамъ дому моего и, взирая на пепелъ, лилъ горестныя изъ очей моихъ слезы. Обиталище и мѣстопробываніе мое, какъ во время ночи, такъ и во время дня, былъ иногда самый пепелъ, теплотою своею меня согрѣвающий отъ стужи въ рубищѣ, а иногда хладная земля, покрытая лугами, иногда были жилищемъ нашимъ тѣ дома, въ коихъ не успѣвали еще пронзенное холодомъ тѣло наше согрѣть, какъ видѣли уже загорающимися отъ огня; не было для меня постоянного и непремѣняемаго мѣста, въ коемъ бы я

могъ довольно времени быть. Храмы, самые священные храмы, въ коихъ я видѣлъ великое множество несчастныхъ нашихъ Московскихъ жителей, не долго были нашимъ жилищемъ: взаимная связь, дружелюбіе, общія вспомошествованія, кои я имѣлъ съ нѣкоторыми семействами, были расторгаемы то непріятелями, то вѣтренными нашими людьми. Не упоминаю я уже о болѣзняхъ, коими видѣлъ я многихъ удрученныхъ здѣсь; могу только сказать о лишеніи силъ своихъ и утомленіи. Хотя я нѣсколько употреблялъ пищи, смѣшивая оную со слезами моими, однако и при самомъ моемъ изнеможеніи силъ, при самомъ гладѣ, меня поражающемъ, чувствовалъ я непріятность отъ вкуса ея. Вотъ тѣ несчастія, вотъ та чаша горести, которую я испилъ! Все сіе пространство видѣть можно изъ нижеслѣдующаго моего описанія.

ОПИСАНІЕ

МОЕГО ПРЕБЫВАНІЯ ВЪ МОСКВѢ

ВО ВРЕМЯ ФРАНЦУЗОВЪ,

съ 1-го по 21-е СЕНТЯБРЯ,

1812 ГОДА.

1-го Сентября, по счастью моему, успѣлъ я отправить изъ Москвы жену мою и малолѣтнихъ дѣтей, назнача имъ пребываніе въ деревнѣ Новой, что по Троицкой дорогѣ, гдѣ бѣ они дожидались меня. Но ахъ! Сего не случилось: судьба приуготовляла мнѣ пить чашу горестей, и пораженъ былъ несчастіемъ, совсѣмъ мною неожиданнымъ.

2-го числа воспослѣдовала со мною величайшая перемѣна: желанія, намѣренія, кои я имѣлъ въ мысляхъ своихъ, остались тщетными и бесполезными. Я видѣлъ уже въ Москву входящихъ Французовъ, отъ коихъ пришелъ въ безпамятство. Не зналъ, за что взяться и что убирать, копалъ яму для сундука съ величайшимъ напряженіемъ силъ моихъ; въ замѣшательствѣ и разстройствѣ мыслей, укладывалъ въ него самое лучшее изъ имѣнія; наконецъ, вдругъ увидѣлъ входящаго въ домъ мой одного Француза, который бѣгалъ, какъ бѣшеный, смотрѣлъ на ту и другую сторону и говорилъ мнѣ на своемъ Французскомъ языкѣ; а какъ я не зналъ онаго, то дѣлалъ ему рукою знакъ, чтобы онъ вошелъ въ комнаты мои. Описывая горестное свое состояніе, долженъ я упомянуть и о несчастныхъ женщинахъ, не имѣющихъ никакого пристанища, коихъ было семь человѣкъ: мать съ дочерью больною, умѣвшею говорить на Французскомъ языкѣ, посредствомъ коея и отвѣтствовалъ я на вопросы оному Французу. Упомянутый непріятель, войдя въ комнаты мои, стремительно обѣгалъ ихъ, удивлялся вопросамъ дѣвицы, говорившей ему по Французски, и, подумавъ нѣсколько, отвѣчалъ ей, что онъ смотритъ, нѣтъ ли здѣсь солдатъ Россійскихъ и оружія; потомъ просилъ хлѣба. Я велѣлъ дать онаго и, сверхъ сего, еще полштофа сладкой водки, коей у меня только и

было. Опъ, паливши рюмку, приказывалъ мнѣ напередъ выпить. Я, увидя его сомнѣвающагося, принялъ рюмку и пилъ; потомъ, по приказанію его, я подалъ ему масла коровьяго и еще мяса, и онъ столько тлъ жадно, что ничего поставленнаго мною не оставилъ. Во время сіе хвалилъ онъ своего Императора и обнадеживалъ насъ, что съ нами ничего не будетъ: «Домы ваши будутъ цѣлы и имѣнія ваши не будутъ разграблены; если же кто осмѣлится тронуть, то объявите офицеру, и грабители будутъ наказаны». Я хотѣлъ продолжать съ нимъ разговоръ чрезъ сію дѣвицу, но увидѣвъ, что она слаба, да и не понимаетъ смыслу Французскаго языка, оставилъ ихъ и пошелъ въ другую половину комнаты, гдѣ бѣ дать волю течь слезамъ моимъ. Съ коленнопреклоненіемъ просилъ Бога о прощеніи нашихъ согрѣшеній; потомъ опять вошелъ къ нимъ и увидѣлъ, что онъ вышелъ вонъ, довольно укрѣпивши себя пищею. Въ сіе-то время я началъ колебаться въ мысляхъ своихъ: если мнѣ бѣжать изъ Москвы, то мнѣ напечутъ безпокойство, бывшіе со мною. Говорилъ я родительницѣ своей, чтобъ она со мною ушла тайнымъ образомъ, но она отговаривалась отъ сего, представляя мнѣ ту причину, что никакой еще нѣтъ опасности; при крайности же можемъ уйти и въ слѣдующій день. Наступила ночь, въ которую я хотя и безпокоился, однако съ нами ничего не случилось. Часто выходилъ на дворъ, гдѣ слышалъ стоны въ сосѣднихъ домахъ, стоны, означающіе разбойническій грабежъ. Въ третій день поутру пришелъ ко мнѣ мой родственникъ и говорилъ мнѣ, что Французы вошли самымъ благовиднымъ образомъ, и что одинъ Французской офицеръ говорилъ со мною весьма ласково и потчивалъ арбузомъ, за который онъ заплатилъ столько, сколько потребовалъ лавочникъ. Поговоривши я съ симъ моимъ родственникомъ, разстался, и послѣ него ничего не дѣлалъ и не убиралъ, а только ходилъ назадъ и впередъ по комнатамъ и былъ въ глубокой задумчивости. Въ половинѣ дня пошелъ я къ Арбатскимъ воротамъ уведомить онаго родственника и, пришедши въ домъ его, увидѣлъ, что у него 6 человекъ Французовъ искали хлѣба, а у сосѣда его и другія прихоти исполнять хотѣли: кто что хотѣлъ, тотъ то и бралъ. Увидя непріятелей въ домъ его, я пустился бѣжать въ домъ свой. Не прошло часа, какъ я явился я ко мнѣ четыре Француза, начали искать всего, копали и брали все то, что имъ надобно, а именнно: рубашки, платки, манишки. Сколько я имъ ни представлялъ бѣдность свою, но они, ни на что не взирая, брали все оное. За ними еще въ слѣдъ другіе пять человекъ пришли, и тоже грабили, изъ конхъ одинъ, будучи благосклоннѣе, вошелъ со мною въ разговоръ чрезъ оную дѣвицу, соблазновалъ объ участи моей и совѣтовалъ, чтобъ я убралъ оставшееся имущество, и научалъ, какъ спастись отъ грабительства непріятелей; потомъ, вынувъ онъ бутылку дреймандеры, съ нимъ бывшую, пилъ самъ, также просилъ и меня неотступно выпить. Сколько я ни отговаривался, но принужденъ былъ пить, смѣшавъ со

слезами моими. Многихъ приходившихъ сей Французъ отводилъ отъ моего дому, говоря, что я здѣсь отъ начальниковъ приставленъ для сохраненія онаго дому и имѣнія, и тѣмъ самымъ сохранялъ отъ грабителей. Сіе продолжалось до самыхъ сумерокъ. Выходилъ оный непріятель къ стучавшимся въ сіе время четверемъ Французамъ, и не могъ уже ихъ уговорить отъ грабежа; они выгнали и его и дѣлались мнѣ защитниками, при чемъ увѣряли, чтобъ я ничего не опасался, а между тѣмъ спрашивали сахару, пива, водки и бѣлыхъ хлѣбовъ. Но какъ у меня сего не было, да и достать не гдѣ, то отъ сего они пришли въ бѣшенство, начали мнѣ угрожать опасностію, и убѣжденіямъ моимъ не могли повѣрить до тѣхъ поръ, пока не обыскали весь домъ и погреба. Ничего не нашедши, нѣсколько успокоились, стали обходиться ласковѣе, потомъ вышли двое куда-то, не знаю, и принесли чугуны готовой живности, велѣли намъ поставить на очагъ. Покамѣстъ это готовилось, они между тѣмъ пили принесенныя съ собою напитки и, напившись пьяны, потребовали перинъ. Я тотчасъ велѣлъ послать имъ постели; двое изъ нихъ легли, а двое пошли къ сосѣду моему въ домъ искать у него напитковъ. Возвратившись отгуда съ одними вызенными перчатками, сѣли съ нами и казалось мнѣ, что они старались за мною примѣчать. Я часто выходилъ на дворъ смотрѣть на пламя, вылающее въ рѣдахъ и на загорающіяся въ другихъ мѣстахъ зданія. Также и они, растворивъ окошко, смотрѣли и увѣряли меня, что это не Французы жгутъ, а Русскіе. Въ сіе время, т. е., часу въ первомъ ночи, загорѣлся сосѣда моего домъ, смежный съ моимъ. Тогда я, оставя все, домъ свой и имѣніе, въ немъ находящееся, хотѣлъ бѣжать, сказавъ родительницѣ, чтобы и она за мною слѣдовала. Лишь только за ворота вышелъ, какъ они выбѣгли на улицу и, схвативши меня, велѣли опять итти въ домъ мой. Сколько я ихъ ни убѣждалъ, прося у нихъ со слезами увольненія объ отпущеніи себя, но они сего не сдѣлали. Нечаянно набѣжалъ на насъ объѣздной ихъ офицеръ, кой, будучи тронутъ моею просьбою и слезами, велѣлъ меня отпустить. И такимъ образомъ освободясь отъ нихъ, пустился и бѣжать со всеми прочими, взявши подъ руку родительницу свою. Въ замѣшательствѣ и забвеніи не знали сами, куда шли. Приблизясь къ Пречистенскимъ воротамъ, увидѣли бѣгущихъ прямо на насъ двоихъ Французовъ съ обнаженными мечами, кои, остановя меня, приставляли къ груди моей обнаженный мечъ и угрожали мнѣ смертію. Родительница, видя сіе мое несчастіе, поверглась къ ногамъ сихъ непріятелей, и всѣ вообще, со мною бывшіе, просили ихъ о помилованіи меня. Они жъ, не вникая въ ихъ прошенія, требовали денегъ. При такихъ угрозахъ и при такихъ опасностяхъ, желая сохранить я жизнь свою, всѣ ихъ прошенія дерзостнымъ принужденъ былъ исполнять. Вынималъ имъ деньги, но не болѣе 50 копѣекъ, кои они брося, начали болѣе мнѣ угрожать смертію и требовали безотступно отъ меня серебра. Послѣдніе три рубля отдавъ имъ, велѣлъ

имъ себя осмотрѣть всего, какъ имъ угодно. По обысканіи, нашли у меня они ножикъ перочинный и, взявши оный, отпустили меня.

По претерпѣніи сихъ ужасовъ, пустились мы бѣжать на каменный мостъ, стараясь вслѣски укрываться отъ непріятелей; косогоромъ спускаясь къ лѣснымъ рѣкамъ, находили препятствіе отъ лаяннѣ собакъ, не дающихъ намъ тихо проходить. Между тѣмъ видѣли мы издали, какъ пламень пожиралъ огромныя зданія, какъ непріатели повсюду учиняли грабежи. Въ отчаяніи и страхъ приближали на каменный мостъ и, поднявшись до половины онаго, увидѣли на той сторонѣ темноту страшную, возвратились и пошли по набережной. Прошедъ ее, нѣсколько сошли по сходамъ внизъ къ Москвѣ рѣкѣ, гдѣ увидѣли караульню и были долго въ нерѣшимости, думая, что въ оной будкъ находятся Французы. Однако жъ тамъ никого не было. Потомъ смотрѣли на огонь, кой пожиралъ строенія, проливали слезы, наполнили воздухъ стенаніями, вздыхали, но все было тщетно. Долгое время тамъ мы сидѣли, не выдавъ никого. Потомъ, обративши взоры вверхъ на набережную, увидѣли одного Француза, идущаго за водою. Поровнявшись съ нами, началъ онъ спрашивать, за чѣмъ мы здѣсь? Мы, обливая слезами лице наше, отвѣчали чрезъ ту же дѣвицу, что мы лишились домовъ и отъ огня ищемъ спасенія у рѣки. Непріатель сей, видя меня дрожащаго отъ холода, далъ мнѣ водки, и я, выпивши нѣсколько, благодарилъ его. По отшествіи его, пришли еще четыре Француза, не такую ласковость намъ оказавшіе, какъ прежній ихъ товарищъ. Они были дерзки и жестокосерды, требовали съ погъ моихъ сапоговъ, и я, поспѣшно скинувъ, отдалъ имъ, и получилъ отъ нихъ худшіе, и еще жесточайшій ударъ, лишившись узелка, въ коемъ, не знаю, что было положено родительницею. Послѣ сей встрѣчи, мы рѣшились итти дальше по набережной къ мосту Москворѣцкому, думая, гдѣ ихъ много, тамъ ихъ и начальники есть, кои не допустятъ больше насъ грабить, въ чемъ и не ошиблись. Пришедши къ мосту, увидѣли нашихъ Русскихъ, сидящихъ на бревнахъ, и говорили имъ, почему они здѣсь сидятъ? На сей вопросъ они намъ отвѣтствовали, что намъ непріатели не даютъ пропуску чрезъ мостъ на ту сторону, упомянувъ при томъ и то, что у мосту Французовъ великое множество; рѣшились и мы съ ними сѣсть. Французы, видя насъ, подходили и спрашивали насъ о нашихъ состояніяхъ и о родѣ. Увидя несчастное наше состояніе, пришли въ жалость и отвели насъ на свою квартиру, въ коей была цирульня, и предлагали намъ, чтобъ мы шли въ верхній этажъ онаго дома. Но я, опасаясь, не пошелъ вверхъ, но началъ просить, чтобъ оставили насъ здѣсь внизу, мы и симъ довольны будемъ. Засвѣтивши свѣчу, съ нами разговаривали и ободряли насъ, чтобъ мы ничего не опасались. Не болѣе посидѣли мы, какъ часа два, начинало разсвѣтать. При наступленіи дня, сошли сверху два Француза высокаго роста, собой весьма красивые, кои намъ казались чувствительнѣе всѣхъ и

умнѣе, да и самый разговоръ ихъ показывалъ, что они сожалѣли о насъ; притомъ дали намъ нѣсколько мяса, хлѣба и сахару.

Вотъ уже наступилъ и день 4-го числа. Непріатели начали для себя готовить кушанье; изготова, побили и намъ дѣлили по нѣскольку. Потомъ уходили, говоря намъ, чтобъ мы дому сего не оставляли. Находясь мы въ семъ домѣ, видѣли, что все приходили разные Французы, пекли, варили для себя и опять отправлялись, а куда? намъ совсѣмъ было не извѣстно. Улицею же была вѣзда непрерывная въ два ряда, по одной сторонѣ мостовой въ гору, а по другой внизъ, т. е., на мостъ.

Сіе продолжалось отъ утра до самой ночи. А пожаръ былъ такъ силенъ, что куда ни посмотришь, вездѣ объято было пламенемъ; огонь пожиралъ зданія и производилъ сильный вѣтръ. Віющіеся надъ зданіями клубы огненные представляли взору нашему ужасное и страшное зрѣлище; наши же несчастные Русскіе ходили взадъ и впередъ, не находя себѣ мѣста къ выходу; лишенные почти всѣхъ силъ, падали отъ сего ужаснаго зрѣлища. Я, обращая взоръ свой на все сіе, не въ силахъ описывать; находясь въ замѣшательствѣ, говорилъ только въ сердцѣ своемъ: «Господи, Боже нашъ! Ты, Владыка, единъ есть намъ защитникъ! Подъ твоей все-сильною десницею и плѣнники, окруженные отовсюду ужасами смерти, могутъ быть спасены и избавлены отъ смерти». Потомъ видѣли, что и у нихъ смѣненіе ужножалось: говорили съ величайшимъ жаромъ, спѣшили къ выходу какъ будто бѣ изъ Москвы, вздыхая сильно и взявъ свои ружья, пошли въ гору самымъ скорѣйшимъ образомъ, оставя насъ однихъ въ семъ домѣ. Черезъ двѣ минуты пришелъ одинъ Полякъ прямо въ этотъ домъ, гдѣ мы. Онъ почелъ меня хозяиномъ сего дома, да и цырульникомъ, на что я ему отвѣчалъ, что я ни тотъ, ни другой, и что мы оставлены здѣсь Французами укрыться отъ огня, бури и холода, и что я лишился дому и имѣнія. Онъ слушалъ слова мои со злобнымъ видомъ и, чувствуя эту отраду, что онъ могъ мстить за прошедшія свои разоренія, отъ Россіянъ учиненныя, страдалъ меня и, удари по уху, требовалъ серебра, вынималъ саблю и показывалъ глупую свою храбрость надъ безоружнымъ. Наконецъ, обличаемый товарищемъ своимъ въ дерзкихъ сихъ поступкахъ, совсѣмъ перемѣнился и сдѣлался даже для меня удивительнымъ: повергшись на колѣни предо мной, приставлялъ къ своимъ губамъ саблю, хотѣлъ цѣловаться. Но я, схвати свою шляпу, ушелъ съ поспѣшностію со всѣми товарищами. Хотя же онъ пустился за мною бѣжать, но офицеръ ихъ его остановилъ. Между тѣмъ какъ я удалился на набережную, вдругъ сей офицеръ догналъ меня и говорилъ мнѣ, что онъ сего унтеръ-офицера накажетъ за его поступки. Унижался предъ нимъ, и отъ него старался я удалиться, потому что и у него лице было показываемо исполненнымъ сладострастія; онъ дѣлалъ изъ себя какъ бы видѣ

сострадательности, а между тѣмъ дарилъ оной дѣвицѣ штуку канифасу, большой кусокъ сахару и бутылку вина, потомъ предлагалъ итти намъ на свою квартиру. Я просилъ его, чтобы онъ насъ оставилъ. Тронутъ будучи и убѣжденъ моими словами, онъ не показавъ никакого насилія, и мы тотчасъ рѣшились итти опять къ набережной, къ Москвѣ же рѣкѣ, гдѣ нашихъ сидящихъ было уже множество. Лишь только начали мы сходить на сходъ, какъ вдругъ увидѣли посланныхъ отъ онаго офицера двухъ солдатъ, кои насильно стали тащить дѣвицу лѣтъ двѣнадцать. Мать ея громко закричала, и они оставили ее. Потомъ и къ оной дѣвицѣ, со мною бывшей, приступали; я опять ихъ усовѣщевалъ словами, и тѣмъ обратилъ весь ихъ звѣрства на себя: приступивши ко мнѣ, велѣли спясть съ себя капоть, жилетъ, манишку и платокъ. Покорствуясь власти непріятельской, яко плѣнникъ, спялъ я съ себя все сіе и отдалъ имъ, при чемъ взяли у меня бумажникъ и портретъ аммиштеатурный, обделанный въ золотъ, оставя меня въ одномъ кафтанѣ и, ударивъ двумя ударами саблей плашмя, со мной разстались. Послѣ сего, случившагося со мною, несчастія, сошелъ я внизъ и, сѣвши подлѣ матушки, обернулся ея салопа полами и тѣмъ нѣсколько сохранился отъ стужи. Спусти нѣсколько времени ходили уже къ намъ непріатели для грабежа артелью. Видя насъ собравшихся великое множество, обирали все и платки и шубы. Дошелъ и опять чередъ до меня: обыскивали и ничего не нашли; только нашли у родительницы моей обручальное мое кольцо золотое, а у дѣвицы оной денегъ 25 рублей и черныи платокъ на головѣ. Все сіе взяли и пошли. Ночь сія для насъ была самая жестокая; поминутно приходили, обирали насъ, и все разные непріатели. Приходили еще нѣсколько человекъ и звали меня съ жепщинами моими для того, чтобы имъ растворить хлѣбы. Хотя несчастныя жепщины отговаривались отъ сихъ трудовъ, однако жъ послушали меня. Пришедши къ нимъ, увидѣли мы, что вся ихъ комната заслана была перинами. Хотя сіе мнѣ казалось подозрѣніемъ на счетъ дѣвицы, однако жъ рѣшился остаться и дожидаться, что будетъ отъ нихъ. Дали намъ ѣсть. Я не знаю, ѣли ли онѣ, а я ничего не могъ ѣсть; и такъ предлагали, чтобы онѣ принялись за квашни, но жепщины мои всячески старались отговариваться пожаромъ, потому что и сей домъ началъ загораться. Видя они жепщинъ упорство, отпустили, и мы опять на то же мѣсто пришли и усадились по прежнему. Часа чрезъ два другіе пришли грабить, но мы были такъ уже бѣдны, что печего уже болѣе у насъ брать. При семъ несчастномъ состояніи снимали они съ меня и съ прочихъ даже и рубашки. По отходѣ ихъ я принужденъ былъ надѣть женскую рубашку работницы моей. Потомъ видѣлъ на той сторонѣ Москвы рѣки мальчика въ одной рубашкѣ, не болѣе 6 лѣтъ. Ходя онъ около огня одинъ, громко кричалъ: «Прогитѣвался Господь на насъ», повторяя безпрестанно напѣвомъ плачевнымъ. Я, показывая своимъ сего мальчика, обливалъ лице свое